

В.А. Пономаренко*

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК УСЛУГА В ЭЛЕКТРОННОМ СЕРВИСНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация. В статье исследуются перспективы социально-правового позиционирования гражданского судопроизводства в грядущих принципиально новых общественно-технологических реалиях электронного сервисного государства. Автор обосновывается тезис, согласно которому в наступающую постиндустриальную эпоху электронного государства, наряду с деятельностью других государственных органов, правосудие по гражданским (арбитражным) делам все в большей степени будет приобретать черты публично-правовой услуги, оказываемой государством в силу возложенной на него обязанности по защите нарушенных прав.

Автор выявляет и систематизирует предпосылки восприятия гражданского судопроизводства как публично-правовой услуги, оказываемой гражданами юридическим лицам (потребителям) государством в силу возложенной на него обязанности по защите нарушенных прав. Дается общая характеристика социально-культурных, государствоведческих, методологических, организационных и теоретико-правовых предпосылок позиционирования гражданского судопроизводства как услуги в условиях электронного сервисного государства. Качественно новые свойства электронного государства рассматриваются как социально-культурная среда для возникновения и развития новой концепции гражданского судопроизводства, обусловленной реализацией современной научной методологии и правопонимания, пришедшего на смену позитивизму.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, гражданское процессуальное право, электронное правосудие, электронное судопроизводство, электронное правительство, сервисное государство, публично-правовая услуга, государственная услуга, система обслуживания населения, потребитель правосудия.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.111.2.049-062

Целью настоящей статьи является обоснование авторского видения перспектив восприятия (социально-правового позиционирования) гражданского судопроизводства в грядущих принципиально новых общественно-технологических реалиях электронного сервисного государства.

Подлежащий обоснованию тезис можно сформулировать следующим образом: в наступающую постиндустриальную эпоху электронного государства, наряду с деятельностью других государственных органов, правосудие

по гражданским (арбитражным) делам все в большей степени будет приобретать черты публично-правовой услуги, оказываемой государством в силу возложенной на него обязанности по защите нарушенных прав.

Перейдем к краткому изложению предпосылок социально-правового позиционирования будущего электронного гражданского судопроизводства как услуги.

К числу социально-культурных предпосылок позиционирования электронного гражданского судопроизводства в качестве государствен-

© Пономаренко В. А., 2016

Пономаренко Василий Александрович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

[future81@mail.ru]

123995, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская, д. 9

ной услуги необходимо отнести наблюдаемые нами в последние десятилетия качественные изменения общественной жизни и, прежде всего, характера взаимодействия «гражданин-государство». Речь идет о постепенном претворении в жизнь концепции информационного общества, характерные черты которого без труда можно видеть в окружающей нас повседневной действительности.

Несмотря на то что социально-культурный контекст имеет очевидное познавательное значение для правовых изысканий, выступает одним из подлежащих учету факторов, исследователи процессуальных явлений продолжают исходить из утративших всякую актуальность социальных условий правообразования. В ряде случаев (по понятным причинам не стану приводить многочисленные примеры) авторитетные процессуалисты по сей день привычно оперируют социально-культурными условиями советской эпохи.

Такой подход следует признать бесперспективным¹: «собственно правовая наука, как правило, игнорирует тот социально-культурный пласт, в котором осуществляется правовая деятельность и реализуются организационные особенности этой деятельности, хотя именно он задает контекст, в котором возникают, существуют и реализуются нормативные акты и, в случае несоответствия ему, эти акты просто перестают работать, будучи средством и способом регулирования возникающих отношений между людьми и их сообществами. Поэтому на новом этапе развития общества развитие правовых знаний должно согласовываться с его социально-культурными особенностями»².

Итак, подлежащие учету нами существенные для правообразования характеристики информационного общества, являющиеся предметом социально-философских исследований с середины прошлого века, в самых общих чертах заключаются в следующем.

Информационное общество представляет собой качественно новую форму общественного развития, состоящую из совокупности диалектически взаимосвязанных аспектов —

технологического, экономического, политического, правового, социального и духовно-нравственного характера.

Технологический аспект подчеркивает, что данный тип общества характеризуется информатизацией всех сторон его жизнедеятельности, являющейся следствием научно-технической революции, коренной трансформации производительных сил на основе науки.

Экономический аспект выражается в том, что информация и знания выступают ресурсом, производительной силой.

Важнейший для нашего исследования политический аспект заключается в реорганизации процесса политического взаимодействия государства и граждан посредством интерактивного диалога посредством информационных технологий.

Социальный аспект предполагает, что главным условием благополучия становится знание, черпаемое из единого трансграничного информационного пространства.

Правовой аспект выражается в наличии разработанных, принятых и действующих законодательных актов, обеспечивающих жизнедеятельность общества знаний (состояние нормативно-правовой сферы жизни), в котором существенно возрастает значение информационных и телекоммуникационных технологий, их интенсивное использование всеми субъектами коммуникативной деятельности, социальное управление и контроль над системой человеческих отношений³.

В процессе разработки концепции электронного общества ее авторы пришли к единому выводу о том, что информационное общество, основанное на признании безусловной значимости каждого своего участника, *исключает директивное управление*, которое предполагает взаимодействие в рамках властного неравенства, подавляя естественную свободу и развитие⁴.

А. А. Чеботарёва в своем исследовании утверждает, что научный прогноз обновления властеотношений в развитых странах уже начал реализовываться: «сегодня происходит

¹ Как нельзя признать арифметически верным результат операции сложения, если одно из слагаемых не учитывается, выносится за скобки.

² Боков Д. Ю. Социально-правовые основания информационного общества. Балашиха, 2011. С. 88.

³ См. об этом: Боков Д. Ю. Указ соч. С. 45–46.

⁴ См. об этом: Дитле Р., Халлбом Т., Смит С. Убеждения : Пути к здоровью и благополучию. Портленд Орегон : Метаморфоз пресс, 1993. С. 43–48.

ценностная переориентация в отношении власти и человека. Если на предшествующих этапах развития отсчет шел от государства к человеку, то теперь обозначился новый подход: истинным моментом является человек»⁵.

Переходя к краткому изложению **государствоведческих предпосылок** позиционирования правосудия в качестве услуги, отмечу, что заключаются они в новом прочтении сущности и целей существования государства как политико-правового и социального явления.

Логичным продолжением учения об информационном обществе стала последовательно реализуемая в большинстве развитых стран концепция «электронного государства» (E-government).

Под электронным государством понимается «новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) качественно новый уровень оперативности и удобства получения гражданами и организациями государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов»⁶.

В российской государствоведческой литературе термин E-government часто переводится как «электронное правительство», что не вполне соответствует первоисточнику и существенно сужает границы понятия до пределов зоны деятельности исполнительной власти.

В ряде исследований «электронное правительство» рассматривается в искусственно ограниченном содержании — только как «*инфраструктура*» (курсив мой. — В. П.), которую сегодня создают государственные органы, чтобы изменить способы выполнения своих задач»⁷. Другой пример аналогичного подхода: «Под электронным правительством понимают государственные *компьютерные системы*» (курсив мой. — В. П.), предназначенные для взаимодействия с населением страны и структурами, не входящими в правительство»⁸.

Подобный подход, сводящий многогранное социально-правовое явление к одному только его техническому аспекту, вряд ли может быть признан теоретически обоснованным и познавательно продуктивным. Его последователи полностью упускают из виду функциональную характеристику изучаемого явления, которую следовало бы признать основной, сущностной.

Термин «электронное государство» не только в большей степени соответствует своему англоязычному эквиваленту (E-government), но и позволяет акцентировать внимание на относимости рассматриваемого понятия к деятельности всей трех ветвей власти — законодательной, исполнительной и *судебной*⁹.

Специфическими задачами электронного государства на современном этапе являются:

- оптимизация процессов предоставления государственных услуг гражданам на основе использования имеющихся в нашем распоряжении информационно-коммуникативных технологий;
- создание благоприятного делового климата на основе формирования широкого доступа к получению государственных услуг для субъектов экономической деятельности; устранение административных барьеров, упрощение и ускорение диалога бизнеса и власти;
- автоматизация процедур предоставления спектра государственных услуг (в максимально широком смысле);
- внедрение функциональных информационных систем, поддерживающих процесс принятия управленческих решений;
- автоматизация межведомственного взаимодействия;
- организация горизонтальных и вертикальных информационных потоков между органами власти, ликвидация межведомственных барьеров посредством внедрения режима «одного окна»;

⁵ Чеботарёва А. А. Человек и электронное государство. Право на информационную безопасность : монография. Чита, 2011. С. 8.

⁶ Чеботарёва А. А. Указ. соч. С. 6.

⁷ Вертлиб В. А., Фархадов М. П., Петухова Н. В. Электронное государство как автоматизированная система массового обслуживания населения. М., 2008. С. 75.

⁸ Электронное правительство США, модель 2001 года // URL: <http://www.e-commerce.ru/digests/Russian/issue62/press1843.html>.

⁹ См. об этом: Право на доступ к информации. Доступ к открытой информации / отв. ред. И. Ю. Богдановская. М., 2009. С. 22.

— снижение себестоимости и повышение качества принимаемых управленческих решений¹⁰.

В России электронное государство внедряется поэтапно, по мере «вызревания» мировоззрения россиян и подготовки нормативной базы.

Так, распоряжением Правительства России от 20 октября 2010 года № 1815-р¹¹ утверждена разработанная Минкомсвязи долгосрочная целевая программа «Информационное общество», состоящая из следующих подпрограмм: «Электронное государство и эффективность государственного правления», «Базовая инфраструктура информационного общества», «Безопасность в информационном обществе» и др.

Весьма значимой вехой на пути внедрения концепции электронного государства в России следует признать Федеральный закон от 27 июля 2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹². В соответствии с этим концептуальным нормативным актом органы власти всех уровней в своей деятельности должны исходить из необходимости обеспечения возможности получения гражданами всего спектра государственных услуг в электронном виде. Повторю, речь идет обо всех государственных услугах.

Сегодня эта система проходит этап становления. В наши дни самые различные государственные услуги оказываются посредством Интернета — от оплаты коммунальных платежей до подачи налоговых деклараций и регистрации общественных объединений. Как видно, электронная форма уже в наши дни опосредует весьма юридически значимые действия в системе взаимодействия личности и государства.

Нет сомнений, что спектр таких действий будет увеличиваться, чему способствуют развитие информационно-коммуникативных технологий, модернизация нормативной и институциональной составляющих системы реализации государством его функций, оказания государственных услуг.

Современные исследователи сущности электронного государства исходят из того, что «миссия государства XXI в. как ответственная роль в делах управления движением общества к благородным целям (первозданная природа государственного управления) значительно меняется, она приобретает новые качественные параметры. Публичность государства в условиях политических, экономических, технологических, духовных и нравственных мутаций, вероятно, должна гармонично сочетаться с общественными и частными интересами, приобретая состояние гомогенности (однородности). Новаторское научное осмысление и новое категориальное «прочтение» терминов «государство», «государственная власть», «государственные органы», «государственное управление», вероятно, еще впереди и, возможно, в рамках этой проблемы следовало бы искать ключ к модернизации государственно-правового развития страны с целью повышения качества жизни»¹³.

Новое прочтение привычных государствоведческих терминов и категорий в условиях электронного государства стало необходимым теоретическим фундаментом для адаптации к российским условиям западноевропейской концепции «электронного сервисного государства». Ее истоком является традиционная французская доктрина, проповедующая возникновение государства из общественного договора. С середины прошлого века в ней укореняется фундаментальный тезис-посыл, в силу которого основной целью государства является *оказание публичных услуг*.

Сходная с французской в этой части и немецкая теория государства. В современной немецкой литературе понятие «публичные услуги» используется как общепринятый в связи с осуществлением так называемого позитивного государственного управления, другими словами — управления по предоставлению публичных услуг. Его целью является обеспечение гарантированных условий жизни, а также их улучшение¹⁴.

¹⁰ См. об этом более подробно: Чеботарёва А. А. Указ. соч. С. 11–13.

¹¹ СЗ РФ. 2010. № 46. Ст. 6026.

¹² Российская газета. 30 июля. 2010. № 5247.

¹³ Кузнецов П. У. Социальная миссия электронного государства: ценности и терминологические проблемы // Информационное общество и социальное государство. М., 2011. С. 18.

¹⁴ Калина А. Ф. Понятие публичных услуг в российском и немецком праве // Информационные проблемы в сфере административной реформы. М., 2005. С. 7.

Понятие «услуга» применительно к деятельности государственных органов власти используется и в англосаксонской правовой системе, но имеет здесь несколько иное содержательное наполнение. Оно стало применяться в США в связи с распространением на деятельность органов государства обобщенного понятия «предприятия» (enterprise), что, в частности, означает работу правительства не на себя, а на внешних пользователей с целью достижения полезного для последних результата, который собственно и стал именоваться услугой¹⁵.

В литературе отмечается: «в современных сервисно ориентированных государствах демократические права граждан реализуются правительством в рамках управления отношениями с гражданами, которые являются и его клиентами, т.е. получателями различных государственных услуг»¹⁶.

По вполне обоснованному мнению Талапиной Э. В.: «...в XX веке ориентация западных держав на публичные услуги стала своего рода ответом на существование СССР, где государство и так было ответственно за социальную сферу»¹⁷.

Практическая реализация концепции «сервисного государства» активно декларируется и в России. С начала проведения административной реформы (2000 г.) термин «услуги» применительно к деятельности государства начал появляться не только в актах программного характера, но и в нормативных правовых актах.

Понятие «государственная услуга» официально расшифровано в Указе Президента России № 314 от 09.03.2004 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», по которому оказание услуг является одной из функций органов власти. Под функциями по оказанию государственных услуг понимается предоставление государственными органами власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в области образования,

здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях, установленных федеральными законами.

Анализ нормативного определения позволил исследователям сформулировать основные черты оказания государственных услуг:

- «1) это осуществление государственной функции;
- 2) государственные услуги предоставляются в установленных федеральными законами областях (образование; здравоохранение и др.);
- 3) стоимость услуг регулируется государством (безвозмездно или по государственным расценкам), то есть они не подчинены законам рынка;
- 4) субъекты оказания государственных услуг — органы государственной власти, подведомственные им государственные учреждения либо иные организации;
- 5) субъекты получения (потребители) государственных услуг — граждане и организации»¹⁸.

Нетрудно заметить, что некоторые из перечисленных признаков государственных услуг обнаруживаются и среди характеристик правосудия. Как известно, оно представляет собой деятельность, осуществляемую государственными органами судебной власти (судами) в целях защиты прав и законных интересов граждан и организаций в установленном федеральным законом порядке за плату (государственная пошлина). Как видно, непреодолимых препятствий относить правосудие к числу государственных услуг не усматривается.

Конституционный Суд России в своих постановлениях вынужден все чаще давать характеристику понятия «публичные услуги, оказываемые государством». При этом данное им расширительное истолкование этого понятия также позволяет относить правосудие к числу специфических государственных услуг.

Так, в своем постановлении № 10-п от 18.07.2008 «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона

¹⁵ См. об этом: Электронное правительство: рекомендации по внедрению в Российской Федерации / под ред. В. И. Дрожжинова, Е. З. Зиндера. М., 2004. С. 19.

¹⁶ Штрик А. Э-демократия и поддерживающие ее технологии // Мобильный мир. 2003. № 4. С. 14–21.

¹⁷ Талапина Э., Тихомиров Ю. Публичные функции в экономике // Право и экономика. 2002. № 6. С. 4.

¹⁸ Талапина Э. В. Государственные услуги в сфере экономики // Информационное общество и социальное государство. М., 2011. С. 77.

“О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)” в связи с жалобой гражданина В. В. Михайлова» Конституционный Суд пришел к выводу о том, что деятельность органа государственной власти в ряде случаев осуществляется по инициативе самих подконтрольных (подвластных) субъектов либо в связи с необходимостью принудительного исполнения такого субъекта возложенной на него законодательством обязанности. В таких, как и в иных, случаях деятельность государственного органа представляет собой своеобразную публичную услугу, оказание которой предполагает возмещение ее потребителем произведенных этим органом затрат.

Полагаю, что осуществляемое по инициативе заинтересованного лица и за его счет правосудие обладает характеристиками, которыми Конституционный Суд России в упомянутом выше постановлении посчитал возможным отграничить государственную услугу от иных видов деятельности органов государственной власти.

Подводя итог этой части изложения, приведу весьма неожиданный на первый взгляд вывод П. У. Кузнецова: *«Электронно-сервисное государство является новым измерением и проявлением исторического типа социального государства»*¹⁹. Повседневные происходящие на наших глазах метаморфозы в системе взаимодействия личность-общество-государство не оставляют сомнений в правильности этого утверждения уважаемого ученого.

Одним из подтверждений его правоты вполне могут послужить **методологические предпосылки** принципиально нового подхода к правосудию как виду государственной деятельности, к характеристике которых мы переходим.

В литературе отмечается: «Философия науки, как и сама наука, стоит на пороге новой революции... Главной чертой ее будет переход от аналитического способа мышления к синтетическому... Возникло понимание сложности вза-

имоотношений науки и с обществом, и с техникой. Иными словами, понадобилось включить рассмотрение науки в контекст как техники, так и общества. Возникла так называемая концепция Society-Technology-Science»²⁰.

Если ранее наука (включая юриспруденцию) тяготела к познанию материальной и идеальной действительности аналитическим путем расслоения целого на части, его познавательного препарирования, то сегодня осознание всемерной взаимосвязи и взаимообусловленности послужило рождению нового средства познания. В его основе лежит признание диалектического единства окружающего нас мира реальных предметов и абстрактных категорий.

Новый подход послужил методологическим фундаментом для ряда креативных исследований социально-правовой реальности, в том числе отечественных. Одним из относящихся к интересующей нас проблематике примеров может послужить коллективная монография *«Электронное государство как автоматизированная система массового обслуживания населения»*²¹.

Как следует из приведенного наименования работы, государство (во всех своих проявлениях) на современном этапе его политико-технологического развития рассматривается авторами как система массового обслуживания, являющаяся основой организационно-технологического обеспечения деятельности информационного общества. Своим существованием этот тезис обязан упомянутому выше «синтетическому» подходу к изучению привычных явлений. В данном случае в своей взаимосвязи рассматривались функциональный, социально-правовой и технологический аспекты современного электронного государства.

В основу подхода были положены «происходящие и грядущие перемены в общественной и экономической жизни. При этом самым существенным моментом является вовлечение граждан в электронное взаимодействие с различными, в том числе государственными, электронными структурами»²².

¹⁹ См.: Кузнецов П. У. Указ. соч. С. 24.

²⁰ Медовников Д. Правдоподобность синтеза : материалы интервью руководителя Центра методологии и этики науки Института философии РАН Александра Огурцова // Эксперт. 4–10 июня 2012 (№ 22). С. 53–54.

²¹ Вертлиб В. А., Фархадов М. П., Петухова Н. В. Электронное государство как автоматизированная система массового обслуживания населения. М., 2008.

²² Указ. соч. С. 18.

Утверждается, что проектирование и практическое функционирование автоматизированных систем массового обслуживания в мире началось в 70-х годах прошлого столетия: «С увеличением объема услуг, оказываемых населению, информационное обслуживание появляется как неизбежная организационная стадия, предшествующая материальному обслуживанию (предоставлению услуг), а автоматизированные информационные и советующие системы — как результат автоматизации процесса информационного обслуживания. Между информационной и материальной системами массового обслуживания — неразрывными стадиями одного процесса существует определенное взаимодействие...

В автоматизированных системах массового обслуживания выполняется компьютерная обработка информации, связанной с определенным ресурсом, который может носить материальную или виртуальную сущность, так что «возникновение, изменение или прекращение прав, полномочий физического или юридического лица» — вполне обычная работа таких систем»²³.

Предприняв предметное исследование, авторы вышеозначенной монографии сформулировали структуру и механизм функционирования систем массового обслуживания. В ходе их лаконичного изложения прибегну к аналогии с электронным гражданским судопроизводством, которая интуитивно напрашивается.

Итак, каждая система массового обслуживания содержит некоторый **ресурс** (применительно к гражданскому судопроизводству — деятельность по осуществлению правосудия) и спроектирована как **аппаратно-программное средство** (технологическая инфраструктура судов, включая систему их сайтов), предназначенное для предоставления этого ресурса **потребителям** (истцам, заявителям) по их требованиям (искам, заявлениям). Для существования системы достаточно наличия ресурса и пользователей системы: **поставщика** (суда) и потребителей.

Под ресурсом понимается «любая субстанция, имеющая потребительскую ценность... Ресурс фиксируется в системе электронными средствами в виде виртуального объекта, но

отображает в реальной жизни или материальный объект, или информационный объект, или услугу (курсив мой. — В. П.). В силу многообразия функциональных систем понятие ресурса каждая функциональная система может и должна формулировать и отрабатывать соответствующим, возможно, уникальным образом. Разработка электронного административного регламента для каждой государственной услуги и представляет собой формулировку ресурса»²⁴.

Учитывая изложенное (в особенности, последнее из процитированных разъяснений), применительно к гражданскому судопроизводству ресурсом системы массового обслуживания вполне может быть признано правосудие как специфическая деятельность монопольного поставщика, каковым при взгляде на него через призму применяемой методологии следует признать суд.

Итак, комплекс аппаратно-программных средств предназначен для хранения и распределения ресурса, фиксации операций по предоставлению ресурса пользователям и реализации предписанных коммуникационных процедур в ходе сеанса взаимодействия (судебного разбирательства). Приведенным признакам вполне соответствуют известные характеристики централизованной системы сайтов судов (в текущее время — арбитражных), которую, таким образом, необходимо признать комплексом аппаратно-программных средств системы массового обслуживания населения — гражданского судопроизводства.

Потребитель ресурса — это субъект, обращающийся за судебной защитой (правосудием). Здесь также не усматривается препятствий к использованию задействованной аналогии.

Поставщик ресурса — это «представитель собственника (или сам собственник) ресурса, который средствами системы управляет и регулирует распределение ресурса»²⁵. Под собственником ресурса-правосудия в нашем случае следует разуметь государство, под его представителем — суд, который является единственным субъектом (ч. 1 ст. 118 Конституции), уполномоченным на осуществление правосудия от имени Российской Федерации (ч. 1 ст. 194 ГПК, ч. 1 ст. 167 АПК).

²³ Указ. соч. С. 20, 82.

²⁴ Указ. соч. С. 20.

²⁵ Указ. соч. С. 20.

В литературе отмечается, что «автоматизированная обслуживающая система является электронным посредником между поставщиками и потребителями ресурса... поставщик и потребитель ресурса являются пользователями обслуживающей системы, причем их функции в некотором смысле тождественны и отличаются “знаком” по отношению к ресурсу»²⁶. И здесь все сходится, ведь отраслевому проявлению конституционного права на судебную защиту — праву обращения в суд корреспондирует обязанность суда такую защиту предоставить.

На возражение о неуместности подобных аналогий ввиду отсутствия в деятельности систем массового обслуживания места для нормативной регламентации (процессуальной формы) отвечу следующей цитатой: «Точно определенные правила поведения пользователей и системы, разграничение их обязанностей и прав, ответственность каждой стороны в различных ситуациях являются необходимыми компонентами механизмов управления и администрирования любой функциональной системы обслуживания»²⁷. Таким образом, процессуальная форма, как это и положено, признается необходимым элементом деятельности такой системы массового обслуживания, как электронное гражданское судопроизводство.

Важно отметить, что предпринятая аналогия будет все более актуализироваться прямо пропорционально степени внедрения электронной формы в судопроизводственную деятельность. Текущая стадия развития этой системы в России не позволяет назвать гражданское судопроизводство в полной мере электронным. Речь пока может идти в основном только об информационной стадии оказания услуги (предоставления ресурса).

Охотно соглашусь с тем, что «в настоящее время порталы и сайты федеральных и региональных органов государственной власти представляют собой “витрины” этих органов, ориентированные на информирование граждан об услугах, регламентах реализации этих услуг и часы приема государственных служащих, назначенные взаимодействовать

с гражданами в процессе предоставления услуги... Сувеличением объема услуг, предоставляемых населению, информационное обслуживание появляется как неизбежная организационная стадия, предшествующая материальному обслуживанию (предоставлению услуги) (курсив мой. — В. П.), а автоматизированные информационные системы — как результат автоматизации процесса информационного обслуживания»²⁸.

Приведенный тезис является не только подтверждением перспективности примененного нами познавательного подхода к рассмотрению правосудия (как услуги), но и достаточно весомым свидетельством скорого наступления следующей стадии развития электронного гражданского судопроизводства в России — материального обслуживания, которая с диалектической необходимостью обусловлена наблюдаемым нами предшествующим (информационным) этапом развития этой электронной системы массового обслуживания.

Организационной предпосылкой следует признать набирающую обороты во всем мире, не исключая Россию, электронизацию процесса оказания подавляющего большинства государственных услуг.

Знаменитый американский исследователь проблем электронного общества Джейн Фонтен в начале века написал: «Веб-порталы позволяют применить к правительству бизнес-концепт “7 × 24 × 365” (доступные 7 дней в неделю, 24 часа в день, 365 дней в году) переструктурируют взаимоотношения между государством и гражданами для того, чтобы они были проще, более интерактивными и эффективными. Виртуальное государство подразумевает виртуальное управление, которое все более организуется через виртуальные агентства и публично-частные сети, чьи структуры и возможности зависят от Интернета и веб»²⁹.

Одним из ключевых направлений влотекущей судебной реформы в России (как, впрочем, и реформы административных органов власти) в последнее десятилетие сопровождается переходом с «бумажной» на электронную форму деятельности.

²⁶ Вертлиб В. А., Фархадов М. П., Петухова Н. В. Указ. соч. С. 22.

²⁷ Указ. соч.

²⁸ Указ. соч. С. 19, 23.

²⁹ Fountan J. Building the Virtual State. Information Technology and Institutional Change. Washington : Brooking Institution Press, 2001. P. 17.

Электронная форма обращений граждан и юридических лиц в подавляющее большинство государственных органов и учреждений, оказывающих государственные услуги, на сегодняшний день стала вполне привычной, признана законодателем наиболее эффективной и перспективной.

Дальнейшее изложение продолжим краткой характеристикой теоретико-правовых предпосылок будущего восприятия правосудия как услуги в электронном сервисном государстве.

К первому их разряду следует отнести современные достижения теории и философии права, многие из которых изменили привычную картину восприятия деятельности государственных органов власти, включая деятельность судов по осуществлению правосудия.

В литературе справедливо отмечается, что «тип правопонимания по своему познавательному статусу в юриспруденции равнозначен тому, что в современном науковедении получило название научной парадигмы, т.е. общих для определенной части научного сообщества теоретико-методологических оснований научного поиска, которые обеспечивают единство и внутреннюю непротиворечивость процесса познания в рамках заданной парадигмы. Проще говоря, парадигма — это группа теорий, объединенных единой методологией. Смена доминирующей научной парадигмы в той или иной сфере знания всегда означает коренную ломку теоретико-методологических основ научного поиска и знаменует собой новую веху в процессе научного познания»³⁰.

Наблюдаемая в наши дни коренная ломка правопонимания не может не отразиться на традиционных подходах в процессуальной доктрине.

Не стану излагать здесь и без моих напоминаний известные читателю основополагающие догмы нормативистской теории права, из плодородной почвы которой по сей день черпают свою творческую энергию авторы значительной части отечественных процессуальных исследований. Не оспаривая выстраданные трудами нескольких поколений советских ученых общетеоретические посылы, в целях обоснования выдвинутого в начале настоящей статьи те-

зиса отмечу лишь некоторые из пришедших им на смену фундаментальных идей, позволяющих выдвигать качественно новые отраслевые (в том числе — процессуальные) концепции и предположения.

Итак, на смену позитивистскому в российской юридической науке уверенной поступью приходит философское правопонимание, ориентированное на познание сущности права как особого социального явления и оценку позитивного права с точки зрения его идеального сущностного критерия. Позитивное право оценивается здесь не с позиции формально-теоретического представления о сущности права, а как естественное право, которое выступает как некое мерило, реально существующее истинное право, которое должно определять нормативное содержание действующего законодательства.

Право в его современном понимании предстает перед нами как вырастающее на договорной основе из потребностей социальной интеграции без участия какого-либо центра власти. Отечественные сторонники этого подхода утверждают, что «позитивистский тип правопонимания не способен сформулировать критерии разграничения правового и неправового начал в общественной жизни. Методологический порок позитивистской теории права, исключающей из сферы ее интересов познание сущностных характеристик права, обуславливает ограниченность познавательных возможностей данного типа правопонимания»³¹.

Природа правил судопроизводства (процессуальных норм) долгое время рассматривалась процессуалистами с методологической позиции позитивистского правопонимания. Переход отечественной общеправовой теории на новые рельсы в значительной степени изменил фундаментальные представления о соотношении частноправовых и публичных начал в объективном праве вообще и процессе в частности.

Публичные права предстают перед нами теперь как модернизированные частные. И существуют они как генетическая надстройка, призванная обслуживать (защищать) частный правопорядок. Важно при этом отметить, что сам этот правопорядок формируется естественным путем (стихийно) — без участия государ-

³⁰ Лапаева В. В. Российская юриспруденция в поисках нового типа правопонимания // Наш трудный путь к праву : материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2006. С. 37.

³¹ Лапаева В. В. Указ. соч. С. 47.

ства. Фундаментальным элементом общественного правопорядка выступает субъективное частное право.

Нередко в отечественной литературе встречаются размышления правоведов, по своему содержанию находящиеся в очевидном противоречии с неоспоримыми до недавних пор постулатами нормативизма: «Становление правовой системы в России идет сложно и даже подчас извращенно. Сталкиваются два пути правогенеза. Первый путь — когда право порождается самими общественными отношениями, которые объективно требуют правовой формы и вне ее не существуют. Второй — когда право создается государственной волей. В первом случае складывается спонтанный, естественный правопорядок, если угодно; во втором — правопорядок. Искусственно установленный посредством государственного закона (искусственный правопорядок). Спонтанный правопорядок прежде всегда касается сферы частного права, искусственный правопорядок — публичного права. В идеале правовая система содержит обе эти гармонично взаимодействующие сферы. Однако в реальной жизни закон, как порождение ограниченного и часто ошибающегося человеческого разума, нередко представляет опасность для спонтанно складывающегося права»³².

Как видим, приоритеты меняются. Теория признает теперь, что публичный правопорядок суть лишь сервисная надстройка над частно-правовым социальным базисом, жизнедеятельность которого публичная власть призвана обслуживать. Важно подчеркнуть, что не только единственным источником, но и самоцелью публичной власти, по мнению значительной части сегодняшних теоретиков права, выступает складывающийся естественным путем (стихийно) частный правопорядок.

Приведенные выводы имеют самое непосредственное отношение к теме настоящего исследования. Хотят или нет того приверженцы ортодоксальных воззрений на процессуальное право, новое, пришедшее на смену позитивистскому, правопонимание сметет прежние представления о суде³³ как о властном представителе государства, являющегося единственным источником-учредителем позитивного

права. В западноевропейском правосознании суд давно и вполне успешно воспринимается гражданами как институт, *обслуживающий гражданское общество*, отдельные субъекты которого движимые частным интересом, реализуют его посредством частного права.

Описанное положение суда в системе координат носителей западноевропейского правосознания не является достижением последних лет и даже десятилетий. Оно вполне основательно может быть названо традиционным, поскольку зиждется на столь же традиционных представлениях о соотношении частного и публичного начал в объективном праве.

Специфику этих представлений удачно охарактеризовал лауреат Нобелевской премии Фридрих Август фон Хайек: «Дело не в том, что публичное право как совокупность правил государственной деятельности требует от тех, к кому оно применимо, *служить общественным интересам* (курсив мой. — В. П.), тогда как частное право позволяет индивидуумам преследовать собственные цели и стремиться лишь так ограничить их деятельность, чтобы она в итоге служила общим интересам.

Закон организации государственного управления не является законом в том же смысле, что правила, определяющие, какого рода поведение является справедливым, т.к. состоит из указов, определяющих, что именно должны делать те или иные ведомства или агентства. Их правильнее было бы называть властными указами или подзаконными актами, предназначение которых в том, чтобы уполномочить конкретные ведомства предпринять конкретные действия для достижения предустановленных целей, для сего им выделяются соответствующие средства. Но *в свободном обществе в разряд этих средств не входят частные лица* (курсив мой. — В. П.). Если такие указы, организующие властную деятельность, рассматриваются как правила того же рода, что и правила справедливого поведения, то лишь благодаря тому, что их источником является та же самая власть, которая имеет право предписывать правила справедливого поведения. Их называют “законом” в попытке придать им те же самые достоинства и уважение, которыми пользуются правила справедливого поведения...

³² Козлихин И. Ю. Право, закон и власть в современной России // Наш трудный путь к праву. С. 66.

³³ Имеется в виду суд не только как субъект процесса (процессуальный аспект), но и как орган государственной власти (институциональный аспект).

Правила, требующиеся для организации государственных служб, по необходимости имеют иную природу, чем те, которые служат основой стихийного порядка. Однако концепция целей законодательного собрания пронизана духом первых. Поскольку намеренное конструирование правил имеет отношение, главным образом, к правилам организации, размышления об общих принципах законодательного процесса оказались почти исключительно в руках специалистов по публичному праву, т.е. специалистов в области организационного строительства, которые зачастую столь мало сочувствуют закону законников, что трудно назвать их юристами. Именно они в современную эпоху стали доминирующей силой в философии права, определили концептуальную структуру правовой мысли и, влияя на судебные решения, привели к глубоким изменениям в частном праве. Юриспруденция (особенно на европейском континенте) оказалась почти целиком в руках специалистов по публичному праву, которые мыслят о законе, преимущественно, с позиций публичного права, а порядок понимают исключительно как свойство организации. И в этом главная причина господства не только правового позитивизма (который вообще не имеет смысла в области частного права), но и вытекающей из него идеологии социализма и тоталитаризма»³⁴.

И далее: «Процессуальное право и законы, устанавливающие порядок судопроизводства, в этом смысле являются правилами организации (публичным правом. — В. П.), а не правилами справедливого поведения (частным правом. — В.П.). Эти правила также нацелены на обеспечение справедливости, должны были быть «найжены» на ранних этапах развития судебной системы и потому были даже важнее для достижения справедливости, чем точно сформулированные, но логически отличные от них, правила справедливого поведения.

Но, если на самом деле правила справедливого поведения можно определить как правила, которые могут быть найдены только через известную процедуру, то в отношении других, со временем принятых государственным аппаратом, функций совершенно ясно, что они должны направляться правилами иного рода: правила-

ми, которые регулируют полномочия представителей власти относительно вверенных им материальных и людских ресурсов, но при этом *не должны давать им власть над частным гражданином* (курсив мой. — В. П.)»³⁵.

Относительно самостоятельной в числе теоретико-правовых является **конституционная предпосылка** позиционирования правосудия по гражданским делам как государственной услуги. Закреплена она в части первой статьи 3 Конституции, в силу которой единственным источником власти является многонациональный народ России.

К сожалению, содержание этой фундаментальной нормы далеко не всегда определяет не только отношение российских судей к тяжущимся, но и подходы процессуалистов, рассматривающих различные аспекты положения суда в гражданском процессе. Существенная часть ученых проповедует отношение к суду исключительно как к носителю судебной власти, забывая упомянуть о том, что *неотъемлемой* оборотной стороной этой власти являются публичные обязательства перед теми, кто является действительным первоисточником государственной власти в России.

Нельзя в этой связи не согласиться с М. Ш. Пацация в части следующих его размышлений и выводов: «Некорректно говорить о принадлежности судебной власти суда. Принадлежать, как известно, значит «находиться в чьей-нибудь собственности, в чьем-нибудь обладании, быть чьим-нибудь достоянием». Между тем в Российской Федерации согласно п. 1 ст. 3 Конституции страны носителем суверенитета и единственным источником власти является ее многонациональный народ. В соответствии с п. 2 той же статьи народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. В статье 10 Конституции РФ определено, что государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. А в п. 1 ст. 11 Конституции зафиксировано, что суды РФ наряду с другими органами — Президентом, Федеральным Собранием, Правительством РФ — осущест-

³⁴ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 152–153.

³⁵ Хайек Ф. А. фон. Указ. соч. С. 144.

вляют государственную власть, а именно ту ее часть, которая согласно принципу разделения властей выпадает на их долю.

Таким образом, государственная власть в РФ принадлежит народу, который может осуществлять ее непосредственно, в частности путем референдума, либо опосредованно — через соответствующие органы (п. 2 и 3 ст. 3 Конституции РФ), одним из которых является и суд. Следовательно, утверждение о том, что

суду принадлежит соответствующая власть, неверно. Суд является органом, посредством которого реализуется соответствующая власть»³⁶.

Приведенные соображения позволяют заключить, что в обозримом будущем гражданское судопроизводство все в большей степени будет приобретать черты государственной услуги, оказываемой электронным сервисным государством в силу возложенной на него обязанности по защите нарушенных прав.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Fountain J.* Building the Virtual State. Information Technology and Institutional Change. — Washington : Brookings Institution Press, 2001. — P. 17.
2. *Боков Д. Ю.* Социально-правовые основания информационного общества. — Балашиха, 2011.
3. *Вертлиб В. А., Фархадов М. П., Петухова Н. В.* Электронное государство как автоматизированная система массового обслуживания населения. — М., 2008.
4. *Дитле Р., Халлбом Т., Смит С.* Убеждения : Пути к здоровью и благополучию. — Портленд Орегон : Метаморфоз пресс, 1993.
5. *Калина А. Ф.* Понятие публичных услуг в российском и немецком праве / Информационные проблемы в сфере административной реформы. — М., 2005.
6. *Козлихин И. Ю.* Право, закон и власть в современной России // Наш трудный путь к праву : материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. — М., 2006.
7. *Кузнецов П. У.* Социальная миссия электронного государства: ценности и терминологические проблемы // Информационное общество и социальное государство. — М., 2011.
8. *Лапаева В. В.* Российская юриспруденция в поисках нового типа правопонимания // Наш трудный путь к праву : материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. — М., 2006.
9. *Медовников Д.* Правдоподобность синтеза : материалы интервью Руководителя Центра методологии и этики науки Института философии РАН Александра Огурцова // Эксперт. — 2012. — № 22.
10. *Пацация М. Ш.* К вопросу о понятии «процессуальная деятельность арбитражного суда» // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. — 2006. — № 5.
11. *Право на доступ к информации. Доступ к открытой информации* / отв. ред. И. Ю. Богдановская. — М., 2009.
12. *Талапина Э., Тихомиров Ю.* Публичные функции в экономике // Право и экономика. — 2002. — № 6.
13. *Талапина Э. В.* Государственные услуги в сфере экономики / Информационное общество и социальное государство. — М., 2011.
14. *Хайек Ф. А. фон.* Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. — М., 2006.
15. *Чеботарева А. А.* Человек и электронное государство. Право на информационную безопасность : монография. — Чита, 2011.
16. *Штрик А.* Э-демократия и поддерживающие ее технологии // Мобильный мир. — 2003. — № 4.
17. *Электронное правительство: рекомендации по внедрению в Российской Федерации* / под ред. В. И. Дрожжинова, Е. З. Зиндера. — М., 2004.

Материал поступил в редакцию 15 декабря 2014 г.

³⁶ См.: *Пацация М. Ш.* К вопросу о понятии «процессуальная деятельность арбитражного суда» // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 5. С. 22–23.

CIVIL PROCEEDINGS AS THE SERVICE RENDERED IN THE ELECTRONIC STATE SERVICE

PONOMARENKO Vasily Aleksandrovich — Ph.D. in Law, Lecturer of the Department of Civil and Administrative Law Enforcement of the Kutafin State Law University (MSAL)
[future81@mail.ru]
123995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Review. *The article examines the perspectives of social and legal positioning of civil proceedings in the future radically new social and technological realities of the electronic state service. The author proves the statement that in the coming post-industrial era of the e-government, along with the activities of other governmental agencies, administration of justice in civil (arbitration) cases will acquire more features of the public law service rendered by the state by virtue of the obligation to protect violated rights that is imposed on the state.*

The author identifies and classifies prerequisites of treating civil proceedings as the public law service rendered to citizens and legal entities (consumers) by the state by virtue of the obligation to protect violated rights that is imposed on the state. The article provides a general description of sociocultural, political, methodological, organizational, theoretical and legal prerequisites that define civil proceedings as the service in terms of electronic state service. Totally new features of the electronic state (e-government) are treated as the sociocultural environment that invokes the emergence and development of a new concept of civil proceedings that is determined by the implementation of contemporary scientific methodology and legal consciousness that have superseded positivism.

Keywords: *civil proceedings, civil procedural law, electronic administration of justice, electronic proceedings, e-government; service state, public law service, state service, system of public service, consumer of justice.*

BIBLIOGRAPHY

1. Fountan J. Building the Virtual State. Information Technology and Institutional Change. Washington: Brookings Institution Press, 2001. P.17.
2. Bokov, D.Y. Social and legal foundations of the information society. Balashikha, 2011. P. -
3. Vertlib, V.A., Farkhadov, M.P., Petukhova N.V. E-government as the automated system of rendering large-scale public services. M. 2008.
4. Vertlib, V.A., Farkhadov, M.P., Petukhova N.V. E-government as the automated system of rendering large-scale public services. M. 2008.
5. Dilts, R., Hallboom, T., Smith, S. Beliefs: Pathways to health and well-being. Portland Oregon, 1993.
6. Kalina, A.F. The concept of public services in the Russian and German law / Information problems in the sphere of administrative reform. - M., 2005,
7. Kozlohin, I.Y. Law, statute and authority in modern Russia / Our difficult pathway to law. Materials of the philosophical and legal conference in memory of Academician V.S. Nersesyants. M. 2006.
8. Kuznetsov, P.U. Social mission of the e-government: values and terminological problems. // Information society and social welfare state. M., 2011.
9. Lapaeva, V.V. Russian jurisprudence in search for a new type of legal consciousness / Our difficult pathway to law. Materials of the philosophical and legal conference in memory of Academician V.S. Nersesyants. M. 2006.
10. Medovnikov, D. Plausibility of synthesis / Materials of the interview given by Alexander Ogurtsov — Head of the Center of Methodology and Ethics of Science, the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences // Expert. 2012. № 22.
11. Patsatsia, M.Sh. Revising the concept of “procedural activity of the arbitration court” // Russian Yearbook of civil and arbitration procedure. 2006. № 5.
12. The right of access to information. Access to public information / Ed. by I.Y. Bogdanovskaya. M., 2009.
13. Talapina, E., Tikhomirov, Y. Public functions in economy // Pravo i ekonomika. 2002. № 6.
14. Talapina, E.V. Public services in the sphere of economy / Information society and the social welfare state. M., 2011.
15. Hayek, Friedrich August von. Law, Legislation and Liberty. Modern understanding of liberal principles of justice and policy. M., 2006.
16. Chebotareva, A.A. The man and the e-government. The right to information security. Chita. 2011.
17. Strik, A. E-democracy and its supporting technology. Mobile world. 2003. № 4.
18. E-government: recommendations for the implementation in the Russian Federation. / Ed. by: V.I. Drozhzhinov. E.Z.Zinder. M., 2004.